

ИСТОРИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ HISTORY OF SCIENCE AND TECHNOLOGY

рецензия
УДК: 93/94
DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.9

О судьбах «скреп пролетарского режима» (рецензия на монографию: Д. А. Баринов. Зиновьев, Троцкий, университет: Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918–1932 гг.))

Сидорчук Илья Викторович ✉
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

***Аннотация.** В рецензии анализируется монографическое исследование научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Д. А. Баринова, посвященное истории внутрипартийной борьбы и антибольшевистского движения в высшей школе Петрограда/Ленинграда в период с 1918 по 1932 г. Показана актуальность работы, вклад автора книги в рассмотрение истории высшей школы периода, историю оппозиционных движений в городе. Сделан вывод о том, что общему успеху монографии сильно способствовал оригинальный подход автора, обратившегося к широкому спектру неопубликованных источников и, в первую очередь, материалам, содержащим сведения о низовой работе оппозиции. Отдельного внимания при этом заслуживает удачная попытка составить коллективный портрет вузовского оппозиционера и определить мотивацию его борьбы.*

Ключевые слова: История высшей школы; внутрипартийная борьба; Троцкий; Зиновьев, Ленинградский университет; оппозиция

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00048, <https://rscf.ru/project/23-18-00048/>

Для цитирования: Сидорчук И.В. О судьбах «скреп пролетарского режима» (Рецензия на монографию: Д. А. Баринов. Зиновьев, Троцкий, университет: Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918–1932 гг.)) // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. Вып. 3, С. 155–166. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.9

© Сидорчук И.В., 2024. Издатель: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Review

UDC: 93/94

DOI: 10.48612/RG/RGW.27.3.9

**About the Fate of the “Staples of the Proletarian Regime”
(Review: D. A. Barinov. Zinoviev, Trotsky, University: The Left Movement
in the Higher School of Petrograd/Leningrad (1918–1932))**

Iliia.V. Sidorchuk ✉

Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia
✉ sidorchuk_iv@spbstu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9760-2443>

Abstract. *The review analyzes a monographic study by Dmitry Barinov, a researcher at St. Petersburg Institute of History of the Russian Academy of Sciences, devoted to the history of the internal party struggle and the anti-Bolshevik movement in the higher schools of Petrograd/Leningrad in the period from 1918 to 1932. The relevance of the work, the contribution of the author of the book to the consideration of the history of the higher school of the period, the history of opposition movements is shown in the city. It is concluded that the overall success of the monograph was greatly facilitated by the original approach of the author, who turned to a wide range of unpublished sources and, firstly, materials containing information about the grassroots work of the opposition. At the same time, a successful attempt to compile a collective portrait of a university oppositionist and determine the motivation of his struggle deserves special attention.*

Keywords: History of higher education, internal party struggle, Trotsky, Zinoviev, Leningrad University, opposition

Funding: The research was supported by RSF No. 23-18-00048, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00048/>

For citation: Sidorchuk, I.V. About the Fate of the “Staples of the Proletarian Regime” (Review: D. A. Barinov. Zinoviev, Trotsky, University: The Left Movement in the Higher School of Petrograd/Leningrad (1918–1932)). *Russia in the Global World*. 2024. Vol. 27. Iss. 3. P. 155–166. DOI: 10.48612/rg/RGW.27.3.9

© Sidorchuk, I.V., 2024. Published by Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University.

Научная специальность ВАК:
5.6.1. Отечественная история

Вопросы сложных перипетий внутрипартийной борьбы 1920-х гг., равно как и судеб антибольшевистских сил в послеоктябрьский период, заслуженно привлекают внимание специалистов, и историография темы весьма внушительна. В связи с этим особенно ценными оказываются исследования, способные за счет нового материала и оригинального

ракурса как осветить свежие сюжеты, так и произвести определенную ревизию существующей традиции их оценки и интерпретации. Одной из таких работ можно назвать монографию научного сотрудника Санкт-Петербургского института истории РАН Д.А. Баринова, в которой он предложил читателю взглянуть на проблему в контексте истории высшей школы Петрограда/Ленинграда [1].

Автор заявляет, что одна из задач его исследования – «дать голос низовым членам оппозиции» [1, с. 22]. Это явно отсылает к антропологически ориентированной истории и именам К. Гинзбурга, Э. Ле Руа Ладюри, Н.З. Дэвис, А. Людтке и других авторов, давшим голос средневековым еретикам-крестьянам, женщинам Раннего Нового времени, немецким рабочим Германской империи и всем тем, о ком история знала, но к кому долгое время не считала нужным прислушиваться. Предполагаем, что это во многом и стало одной из причин общего успеха исследования, которое будет интересно не только специалистам в вопросах внутрипартийной борьбы 1920-х гг. и раннесоветской высшей школы, но и достаточно широкому кругу любознательных читателей.

Во введении Баринов подробнее останавливается на термине «левый», вынесенном в заглавие книги. С учетом вариативности его толкования это более чем необходимая мера. Под «левым движением» автор предлагает понимать «все политические течения и группы, придерживающиеся антибуржуазной, антикапиталистической идеологии, в том числе поддерживающие Октябрьскую революцию или имеющие к ней компромиссное отношение» [1, с. 6]. Также, по его мнению, представляется возможным объединить в одном исследовании сторонников оппозиции внутри ВКП(б) и других партий как: «а) вольных или невольных последователей дореволюционных традиций подпольной борьбы; б) активных борцов за свое видение развития Русской революции и последовавших за ней социалистических преобразований» [1, с. 7]. В данной части монографии автор анализирует историографию и расписывает комплекс использованных источников. Среди архивных материалов им был осуществлен сбор сведений о низовой работе оппозиции в Ленинграде в Центральном государственном архиве историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Из документов этого архива он выделяет: а) протоколы заседаний вузовских

партячек; б) личные партийные дела; в) материалы контрольных комиссий ВКП(б) [1, с. 21]. Вторым важнейшим архивом стал Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ), где материалы об оппозиционных течениях внутри ВКП(б) собраны в две описи фонда ЦК партии (Ф. 17. Оп. 71, 171). Использовались личные фонды ряда партийных деятелей – Г.Е. Зиновьева, Л.Б. Каменева, К.Б. Радека и др. Кроме этого, автору удалось изучить несколько десятков следственных дел, касающихся студентов и преподавателей, в Отделении архива ФСБ по Санкт-Петербургу. Ряд биографических сведений был получен благодаря обращению к материалам Центрального государственного архива Санкт-Петербурга (ЦГА СПб), Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб), Санкт-Петербургского филиала Архива Российской Академии наук (СПФ АРАН) и Объединенного архива Санкт-Петербургского государственного университета (ОА СПбГУ).

Книга включает в себя четыре главы, первая из которых, «Социалисты против коммунистов», рассматривает борьбу социалистического и анархического движений и его студенческой части с большевиками в первое послереволюционное десятилетие. Автор показывает, что их методы постоянно менялись в зависимости от трансформации социально-политических реалий. Исходя из этого, глава представлена двумя частями – период с 1918 по 1920 г., когда в борьбе использовались легальные органы студенческого самоуправления, и 1920–1926 гг., обозначающий период формирования и разгрома подпольных организаций. По заключению автора, в ситуации работы в подполье и в изоляции от масс, меньшевики, эсеры и анархисты искали пути сближения, и в целом им это удавалось. Они отстаивали идеалы русской революции, к которым относили «курс на социалистические преобразования, рабочую демократию, гарантию гражданских свобод и свободы слова» [1, с. 65]. Изначально они не планировали прибегать к радикальным методам борьбы, однако к этому привел рост репрессий по отношению ко всем оппозиционным силам. При этом студенчество играло в жизни этих движений исключительно важную роль, например студенты-анархисты «периодически оказывались главными лицами движения в городе» [1, с. 65].

Анализируя в этой главе результаты вузовской чистки 1924 г. на материалах биографических данных членов подполья, Баринов справедливо приходит к выводу о том, что вопреки существующему в историографии мнению, она не стала «главным инструментом борьбы против “мятежного” студенчества» [1, с. 62–63]. Отметим, что к подобным выводам уже пришел ряд крупных специалистов, занимавшихся темой, упоминания работ которых в монографии не приводится. В частности, о скором возвращении обратно в вузы большинства исключенных писал А.Р. Марков, во многом опираясь на работы Ш. Фицпатрик [2, с. 103]. Подробный разбор чистки провел и А.Ю. Рожков, полагавший что главной ее причиной как раз и стало участие студенчества в партийной дискуссии 1923–1924 гг., когда значительная его часть поддержала «левую оппозицию» [3, с. 225]. На материалах нескольких вузов он, в частности, продемонстрировал силу сопротивления чистке, которое для десятков ленинградских студентов окончилось лагерями [3, с. 233]. Одновременно он описал случаи, когда спустя непродолжительное время значительную часть исключенных восстанавливали – «чуть ли не до 90 %» [3, с. 231]. Не лишним будет отметить и то, что чистка 1924 г. была наиболее мощной, но далеко не единственной, а отсутствие понятных и четких принципов отсева в сочетании с возможностью фальсификации документов, искажения биографии и пр., превращало их в испытание для всего студенчества, вне зависимости от политических взглядов. Не удивительно поэтому, что чистки, как отмечает и Баринов на примере 1924 г., способствовали консолидации студенческого протеста [1, с. 51].

Вторая глава «Между “Новым курсом” и новой оппозицией. 1923–1926 гг.» посвящена левой оппозиции в ВКП(б) на этапе открытых предсъездовских дискуссий в 1923–1925 гг. и началу периода, когда методы дискуссий сочетались с фракционной борьбой. На основании изученных материалов Баринов демонстрирует, что «в вузовской среде оппозиционеры имели заметный успех», однако в Петрограде идеи Л. Троцкого не пользовались такой популярностью, как, например, в Москве или Киеве, и из 29 вузовских ячеек в пользу оппозиции проголосовало только 5. Однако, несмотря на такой скромный результат, вузовские ячейки были фактически единственными городскими коллективами, поддержавшими оппозицию [1, с. 74–75]. При этом представляет интерес

концентрация внимания автора на репрессиях, давлении и различных манипуляциях, к которым прибегали партийные органы в борьбе с оппозицией в вузах, например, когда голосование по вопросу о «Новом курсе» в среде учащихся проходило в нескольких районах города не в рамках отдельных ячеек, а для всех вузов разом [1, с. 75].

Баринов отмечает уязвимость официальных данных об оппозиционерах, особенно учитывая, что многие занимали в дискуссии промежуточную позицию, критикуя ЦК, но не являясь убежденными сторонниками Л. Троцкого. В связи с этим автор предлагает выработанные им собственные критерии оппозиционности. К числу оппозиционеров он отнес: «1) партийцев, получивших взыскание за фракционную работу (иногда этот проступок формулировался как невыдержанность); 2) участников кружков, распространителей литературы и людей, активно искавших сторонников; 3) составителей оппозиционных резолюций; 4) тех голосовавших за курс Троцкого, кто пришел к активной политической борьбе в дальнейшем» [1, С. 78]. Определив численность противников линии ЦК и суть их программы, автор рассмотрел содержание оппозиционной работы и ход дискуссии в вузовских партийных коллективах. Неудача сторонников Троцкого он объясняет тем, что «партийная масса оказалась задавлена авторитетом заслуженных большевиков-зиновьевцев из губкома и райкомов, которые в силу политических амбиций отказались от честной дискуссии и не пошли на сокращение дистанции между партийной элитой и рядовыми коммунистами» [1, с. 88]. И, конечно, автор не мог не отметить историческую иронию, ведь совсем скоро уже сторонники Зиновьева ощутят на себе те же нечистоплотные методы борьбы.

Во второй части главы Баринов рассмотрел противостояние внутри партии вокруг XIV съезда, которое в основном было сконцентрировано как раз в Ленинграде. И вновь обратился к работе новой оппозиции «на местах» – сюжету, мало освещенному в существующей историографии.

Третья глава «Оппозиционный блок. 1926–1927 гг.» также затрагивает мало затронутый в научной литературе вопрос. Речь идет о коротком периоде существования оппозиции между разъяснительной кампанией по результатам XIV съезда и формированием объединенной оппозиции. Рассмотрен процесс формирования блока, выработки стратегии

борьбы, его задачи и то, как сами лидеры оппозиции воспринимали этот союз. Далее в главе показаны практики их борьбы в этот период. Вслед за историком И. Дойчером автор полагает, что, как и в случае противостояния 1923–1925 гг., ключевым фактором в поражении оппозиции был конформизм значительной части партийцев: «Когда успех политической борьбы зависел от рядовых большевиков, достаточным условием победы правящей фракции являлась пассивность партийных масс, так как все необходимые решения проводились через представителей на ключевых постах партий» [1, с. 181].

Одной из самых заслуживающих внимание частей монографии, на наш взгляд, является та, где автор проводит попытку составить коллективный портрет вузовского оппозиционера и определить мотивацию его борьбы. Ключевые причины для разногласий с политикой партийного большинства могли быть различными, но основные были выделены автором весьма точно, что стало возможным именно благодаря обращению к материалам «низового уровня». Первой из них обозначена «партийная демократия»: «Многих раздражал явно формальный характер партийной работы, сводившейся к “механическому поднятию рук”» [1, с. 183]. Молодых, честных и искренне симпатизировавших партийным идеалам людей злило всюю процветавшее шкурничество, равнение на начальство, оппортунизм и пассивное послушание. Примечательно, что были случаи отхода от оппозиции, если появлялся шанс реального участия в строительстве социализма [1, с. 240]. Вторым фактором можно было бы указать бедность, «материальную недостаточность» – типичную беду студентов всех поколений, которая была катализатором роста недовольства у многих молодых людей, далеких от политической борьбы [См. напр.: 4; 5, с. 61; 6; 7; 8]. Однако в случае с участниками оппозиции она упоминается крайне редко, их скорее мотивировало непростое положение рабочих [1, с. 187–188].

Сказались на оппозиционных настроениях одни из самых обсуждавшихся в 1926–1927 гг. вопросы – крестьянский и китайский. Первый стал актуальным для вузовцев во многом в связи с пролетаризацией высшей школы, когда среди студентов вырос процент выходцев из деревни, у которых политика партии в эти годы вызывала непонимание и чувство предательства крестьянского бедняка в угоду кулаку. Китай же в 1927 г. был едва ли не самой обсуждаемой в советской,

в том числе и молодежной, прессе страной. Критически мыслящий человек даже по публиковавшимся официальным материалам мог без труда сделать вывод о проблемах в реализации внешнеполитического курса советского государства, ярким свидетельством чего стала резня коммунистов в Шанхае.

Одной из причин обращения молодежи к оппозиционной деятельности была, по замечанию Баринова, «бравата» и, добавим от себя, даже некоторое ухарство. Один из таких примеров – студент Горного института В.Ф. Лысов, который еще до исключения из ВКП(б) за фракционную работу имел несколько взысканий за пьянство и дебош. Занимаясь постоянным поиском провокаторов среди оппозиционеров, одному из подозреваемых в доносительстве он заявил: «...если это неправда, дай мне по морде, а если не дашь, значит, соглашаешься со мной» [1, с. 190]. Среди активных деятелей оппозиции оказывались заправские хулиганы, любители выпить и проводить время с сомнительными женщинами, те, кто с презрением относился к дисциплине и требованиям соблюдать жесткие моральные нормы, навязываемые молодежи [9].

Были среди студентов-оппозиционеров и те, кто стремился выступить как храбрый защитник вождей революции. Личная харизма Л. Троцкого и Г. Зиновьева позволяла им группировать вокруг себя истово преданных учеников. Так, И.Л. Глечков из Ленинградского университета отмечал, что вступил в оппозицию после встречи с Зиновьевым на квартире, и «его авторитет заставил меня укрепиться во мнении о правоте оппозиции» [1, с. 193]. Одновременно мотиватором могло стать неприятие явного авторитаризма И. Сталина, воспринимаемого предателем ленинского наследия.

Таким образом, Д.А. Баринов демонстрирует, что представление, отстаивавшееся проводником сталинской линии Е. Ярославским о том, что основа оппозиции – это романтизированная молодежь, верно лишь отчасти, и скорее – спекулятивно. Картина была намного сложнее, тем более что вузовцы 1920-х гг. это те, чей средний возраст был 24–25 лет, а за плечами у многих был и партийный стаж, и опыт участия в Гражданской войне [1, с. 195–197].

Четвертая глава монографии «Подполье и “контрабанда”. 1928–1932 гг.» посвящена финальному периоду существования оппозиции вплоть до окончательного разгрома. В частности, автор показывает, что существующее мнение о завершении оппозиционной работы Л. Каменева и Г. Зиновьева во время XV съезда, после публичного раскаяния, является не совсем справедливым. Выявленные источники позволили установить продолжение деятельности подполья.

В результате автору удалось существенно расширить во многом устоявшуюся и традиционную для историографии картину высшей школы раннесоветского периода как поля противостояния лишь нового «красного» студенчества с «белоподкладочниками»: «Движение социалистов и анархистов, рассмотренное в контексте вузовской истории, показывает ограниченность такого представления, значительно упрощающего реальную картину политической жизни студенчества» [1, с. 236]. Учащаяся молодежь была очень восприимчивой средой также к идеям внутрипартийной оппозиции, в результате чего «не будет преувеличением сказать, что вузовцы были вторым рядом авангарда оппозиции вслед за опытными партийцами с дореволюционным стажем и бывшими крупными партийными управленцами» [1, с. 238].

Монография содержит три приложения. Первое – список студентов-меньшевиков, эсеров и анархистов в Петрограде/Ленинграде (1920–1926 гг.). Второе – список преподавательского, научного и административного состава вузов Петрограда/Ленинграда влевой оппозиции (1923–1932 гг.), содержащий данные о периоде участия в оппозиции, партийной группе, партстаже и, конечно, вузе, в котором работал оппозиционер. Третье приложение – список студентов Петрограда/Ленинграда влевой оппозиции (1923–1932 гг.), содержащий ту же информацию, что и список преподавателей.

Выводы

В 1923 г. один из главных героев рецензируемой книги, Г. Зиновьев, сказал, что настоящий «красный» студент должен стать «скрепой пролетарского режима» [10, с. 5]. Фактически, речь шла о потере студенчеством своего особого статуса, уникального положения в обществе, унаследованного от дореволюционной эпохи. От учащейся

молодежи требовалось являться таким же преданным строителем социализма, как и рабочие. Книга Баринова посвящена как раз тем, кто скорее с этим был согласен и искренне стремился преобразовать как свой вуз, так и страну в целом, если не весь мир, а не дорожил корпоративными традициями. Не меньшей девальвации подвергся в 1920-е гг. и статус ученого и преподавателя [11; 12, с. 152–177; 13], в котором (и часто справедливо) большевистская власть видела скрытого врага. В рассматриваемый в монографии период как среди студентов, так и их учителей, партийцы составляли явное меньшинство. Но это было то самое меньшинство, которое хотело заставить жить по своим правилам и согласно своим ценностям пассивное большинство. Именно поэтому на него стоит обратить пристальное внимание, хотя, разумеется, активный участник оппозиции или член партии эсеров не является «типичным» студентом 1920-х гг. Многие из персонажей книги, в силу понятных причин, так и не достигли властных или научных высот. Однако это вовсе не делает их судьбу менее интересной тем более, что причины поражения ничуть не менее важны, чем причины победы. В связи с этим монография ценна не только вниманием к новому сюжету в рамках внутривполитической борьбы 1920-х гг., раскрытому на основе анализа широкого пласта источников, введенных в научный оборот, но и выбором главных героев. Из потенциальных победителей они превратились в аутсайдеров, выглядя маргиналами даже на фоне «серой» безынициативной партийной массы, молча принимающей все директивы ЦК. Ярко показано и падение лидеров оппозиции, скинутых с властного олимпа и вынужденных встречаться со своими сторонниками нелегально на ленинградских квартирах. Автор показал механизм адаптации различных оппозиционеров под быстро меняющиеся реалии, а также постарался описать их жизненный и ценностный мир, добиться успеха в том, к чему по идее и должен стремиться историк – «оживить» своих героев, дать им голос, чтобы рассказать о своей неповторимой эпохе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Баринов Д.А. Зиновьев, Троцкий, университет: Левое движение в высшей школе Петрограда/Ленинграда (1918–1932 гг.). СПб.: Наука, 2024. 381 с.
2. Марков А.Р. Что значит быть студентом: Работы 1995–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение, 2005. 264 с.

3. Рожков А.Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
4. Мать. Нам трудно, мы изнемогаем (Письмо матери) // Студенческая правда. 1929. 15 февраля. № 2–3(21–22). С. 6.
5. Ветряков Н. Почему Петя Казаков ипохондриком стал // Красное студенчество. 1927–1928. № 2. С. 60–62.
6. Недовольные жизнью. Упадочников – в штыки! // Товарищ. 1928. 14 февраля. № 9(67). С. 4.
7. Письмо студента Юрова // Товарищ. 1928. 14 февраля. № 9(67). С. 4.
8. Сидорчук И.В. Борьба за «новую» мораль в Ленинградском политехническом институте в 1920-х годах // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2018. Т. 9. № 3. С. 7–15. DOI: 10.18721/JHSS.9301.
9. Сидорчук И.В. «Никто мне не запретит и ничего не сделает»: досуг как пространство свободы в эпоху социальных трансформаций 1920-х гг. // Новое прошлое. 2021. № 2. С. 112–127. DOI: 10.18522/2500-3224-2021-2-112-127.
10. Зиновьев Г. Новый студент и новый учитель // Студент революции. 1923. № 6. С. 3–5.
11. Ульянова С.Б. К вопросу о взаимоотношениях студентов и профессоров в Ленинградском политехническом институте в 1920-е гг. // Санкт-Петербургский государственный политехнический университет в истории России XX – начала XXI в. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2013. С. 148–160.
12. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е годы. М.: РГГУ, 2020. 469 с.
13. Сидорчук И.В. Проблема компрометации гуманитарного знания в России в период создания «большой науки» // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 64. С. 127–132. DOI: 10.17223/19988613/64/17.

REFERENCES

1. Barinov D.A. Zinov'ev, Trockij, universitet: Levoe dvizhenie v vysshej shkole Petrograda/Leningrada (1918–1932 gg.) [Zinoviev, Trotsky, University: The Left movement in the higher school of Petrograd/Leningrad (1918–1932)]. St. Petersburg, Nauka, 2024, 381 p. (In Russian).
2. Markov A.R. Chto znachit byt' studentom: Raboty 1995–2002 godov [What it means to be a student: Works of 1995–2002]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2005, 264 p. (In Russian).
3. Rozhkov A.Ju. V krugu sverstnikov: Zhiznennyj mir mladogo cheloveka v Sovetskoj Rossii 1920-h godov [In the circle of peers: The life world of a young man in Soviet Russia of the 1920s]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2014, 640 p. (In Russian).
4. Mat'. Nam trudno, my iznemogaem (Pis'mo materi) [It is difficult for us, we are exhausted (Mother's letter)]. *Studencheskaja Pravda*. 1929, 15 February. № 2–3 (21–22). P. 6. (In Russian).
5. Vetrjakov N. Pochemu Petja Kazakov ipohondrikom stal [Why Petya Kazakov became a hypochondriac]. *Krasnoe studenchestvo*. 1927–1928. № 2. P. 60–62. (In Russian).
6. Nedovol'nye zhizn'ju. Upadochnikov – v shtyki! [Dissatisfied with life. Decadent people – with bayonets!]. *Tovarishh*. 1928, 14 February. № 9 (67). P. 4. (In Russian).

7. Pis'mo studenta Jurova [Student Yurov's letter]. *Tovarishh*. 1928, 14 February. № 9 (67). P. 4. (In Russian).
8. Sidorchuk I.V. Bor'ba za "novuju" moral' v Leningradskom politehnicheskom institute v 1920-h godah [The struggle for a "new" morality at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s]. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki*. 2018. Vol. 9. № 3. P. 7–15. DOI: 10.18721/JHSS.9301. (In Russian).
9. Sidorchuk I.V. "Nikto mne ne zapretit i nichego ne sdelat'": dosug kak prostranstvo svobody v jepohu social'nyh transformacij 1920-h gg. ["No one will forbid me and do nothing": leisure as a space of freedom in the era of social transformations of the 1920s]. *Novoe proshloe*. 2021. № 2. P. 112–127. DOI 10.18522/2500-3224-2021-2-112-127. (In Russian).
10. Zinov'ev G. Novyj student i novyj uchitel' [A new student and a new teacher]. *Student revoljucii*. 1923. № 6. P. 3–5. (In Russian).
11. Ul'janova S.B. K voprosu o vzaimootnoshenijah studentov i professorov v Leningradskom politehnicheskom institute v 1920-e gg. [On the issue of the relationship between students and professors at the Leningrad Polytechnic Institute in the 1920s]. *Sankt-Peterburgskij gosudarstvennyj politehnicheskij universitet v istorii Rossii XX – nachala XXI v*. St. Petersburg, Polytechnic Univ. 2013. P. 148–160. (In Russian).
12. Dolgova E.A. Rozhdenie sovetskoj nauki: uchenye v 1920 – 1930-e gody [The birth of Soviet science: scientists in the 1920s –1930s]. Moscow, RGGU, 2020. 469 p. (In Russian).
13. Sidorchuk I.V. Problema komprometacii gumanitarnogo znanija v Rossii v period sozdanija "bol'shoj nauki" [The problem of compromising humanitarian knowledge in Russia during the creation of the "big science"]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija*. 2020. № 64. P. 127–132. DOI: 10.17223/19988613/64/17. (In Russian).

Сведения об авторах / Information about authors

Сидорчук Илья Викторович – доктор исторических наук, профессор Высшей школы международных отношений Гуманитарного института. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-9760-2443.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Sidorchuk Ilia V. – Doctor of History, professor, Higher School of International Relations, Humanitarian Institute. Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University.

E-mail: sidorchuk_iv@spbstu.ru; ORCID: 0000-0001-9760-2443.

The author declares no conflict of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.06.2024. Одобрена после рецензирования 14.07.2024. Принята 14.07.2024.
Received 24.06.2024. Approved after reviewing 14.07.2024. Accepted 14.07.2024.*